

MEMORIA

Александр Николаевич Рогачёв. Материалы. Воспоминания. Размышления

Н.И. Платонова¹, М.В. Аникович¹

Введение

Прошло уже более 20 лет со дня смерти А.Н. Рогачёва. Не так это много – среди коллег еще не изгладилась живая память о нём. Но без малого четверть века – уже достаточный срок, чтобы попробовать оценить "на расстоянии" главные идеи учёного, понять, что в его научном наследии пора сдать в архив, а что оказалось востребовано или может быть востребовано в ближайшем будущем.

Краткие биографические данные об А.Н. Рогачёве имеются в некрологе, опубликованном в "Советской археологии" [Григорьев, Праслов, 1985] и в тезисах докладов, подготовленных для конференции в честь его 90-летия [Праслов, 2002; Булочникова, 2002]. Последний из них содержит ряд любопытных моментов, взятых из устных рассказов, но, как всякая работа, основанная на "предании", он крайне неточен в деталях. В 2004 г. одним из авторов настоящей статьи также были опубликованы тезисы, в которых впервые анализировались начальные этапы биографии Александра Николаевича, с упором на архивные материалы [Платонова, 2004а].

Попытки осветить отдельные стороны деятельности А.Н. Рогачёва имеются в ряде работ, вышедших в последние годы – и в кратких статьях, и в обобщающих монографиях по палеолиту [Синицын, 2002: 33-41; Васильев, [2004]: 117-122 и др.]. Интересный очерк о деятельности А.Н. Рогачёва середины 1950-х гг. опубликован совсем недавно Н.Д. Прасловым [Праслов, 2005]. Итоги работ Александра Николаевича в Костёнках рассматривались отчасти и в работе А.А. Формозова, посвященной П.П. Ефименко [Формозов, 2002: 73-126].

Но всего этого кажется до обидного мало. А.Н. Рогачёв, несомненно – одна из центральных фигур отечественного палеолитоведения второй половины XX в. То, что было им сделано, заслуживает самого подробного рассмотрения и анализа – причём не только, как дань его памяти, но и в плане определения перспектив на будущее. Сейчас в нашей науке наблюдаются самые различные тенденции. С одной стороны, восстанавливаются старые приоритеты, формируются новые, куда более адекватные, представления об уровне, достигнутом отечественной археологией к началу 1930-х гг.

---

¹ Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

(ещё до того, как в нашей науке началось засилье "социологического подхода") [Тихонов, 2003: 115-130 и др.; Платонова, 2004; Васильев, [2004]: 39-54]. С другой – подвергаются частичной ревизии прежние оценки стадиальной концепции [Васильев, 1996: 183; [2004]: 55-74]. И, наконец, всё больше усиливается тенденция вывести палеолитоведение из круга исторических наук и всецело связать его с "антропологией" в широком смысле, как это делается на Западе (в первую очередь, в США).

В русской научной терминологии недавно вновь появились "преистория" и даже "культуральная антропология". Эти термины отчасти перекрывают общепринятые "палеолитоведение" и "археология палеолита", но существуют как бы параллельно им, в иной системе понятий. Причины такой разноголосицы, в общем, ясны: международное сотрудничество стало теснее и интенсивнее, и это нередко способствует заимствованию понятий, устоявшихся в зарубежной науке. Большой беды в этом нет. Хуже другое: в создавшихся условиях формируется несколько пренебрежительное отношение к наследию отечественной науки. Вспоминая А.Н. Рогачёва, иные коллеги искренне не понимают, чему можно учиться у этого "замшелого" марксиста, не знавшего ни одного иностранного языка и всю жизнь искавшего истину в историческом материализме?

Некоторые особенности личности Александра Николаевича, запечатлевшиеся в памяти современников, только способствуют утверждению такой точки зрения. Нам уже приходилось слышать и даже читать, что А.Н. Рогачёв был тружеником, прекрасным полевиком, человеком наблюдательным и одарённым от природы – но при этом достаточно узким специалистом, в сущности, малокультурным, без должной широты кругозора [ср.: Формозов 2002: 106, 116-117]. Памятная всем приверженность Александра Николаевича марксистской вере и ортодоксально-коммунистические пассажи в его статьях (порою и впрямь чудовищные!) ныне вызывают снисходительное недоумение у археологов новой генерации. А тут еще масса анекдотов, целый "рогачёвский фольклор"! Ведь он же, к примеру, всерьёз заявил на одном из собраний в ЛОИА АН СССР: *"Успешному развитию советской археологии мешают слабое знание исторического материализма и пьянство учёных..."* Ну как после эдакого не посмеяться над старым чудаком?

Однако упрекать его в узости, в ограниченности мышления способны лишь те, кто общался с Александром Николаевичем только "на расстоянии" – или не общался совсем! Тот, кто знал его ближе, узнавал и нечто иное. А.Н. Рогачёв, тонкий полевик-практик и несравненный знаток Костёнковско-Борщёвского района, являлся в своей области учёным широчайшего кругозора. Если бы это было не так, ему вряд ли удалось бы на практике совершенно по-новому организовать и обобщить археологические материалы Восточной

Европы по верхнему палеолиту. В отечественном палеолитоведении второй половины XX в. было очень много одарённых, интеллектуальных, знающих языки специалистов. Но осуществить на практике *смену парадигм* удалось одному А.Н. Рогачёву.

Сегодня многие помнят, что Александр Николаевич говорить умел только по-русски, да и на родном языке красноречием не блистал. Бог ни в чём не послал ему лёгкости. Всю жизнь он писал тяжело и медленно, с ещё большим трудом формулировал свои мысли вслух. Но не всем известно другое. После смерти Александра Николаевича одному из авторов настоящей статьи – его ученику – досталась в наследство часть его библиотеки. Это сотни оттисков статей по проблемам палеолита – на нескольких иностранных языках. Все они оказались аккуратнейшим образом систематизированы и разложены по папкам. И при этом – любопытный штрих – многие статьи испещрены пометками. Да-да, Александр Николаевич, не звавший толком ни одного языка, действительно, их читал. С великим трудом, со словарями, тратя на это массу времени... но читал! На польском, на чешском, на словацком, на болгарском, на немецком, на французском, на английском... Он читал эти статьи, *прорабатывал*, стабильно начиная рабочий день около 5 часов утра. И, действительно, знал досконально, не понаслышке самые новейшие для того времени европейские материалы!

Выдвинутый А.Н. Рогачёвым конкретно-исторический подход есть не что иное, как *основополагающий методологический принцип, направленный на выявление исторических фактов*. Вводя его в отечественное палеолитоведение, Александр Николаевич обосновывал своё собственное представление об этой области знания, как о самостоятельной конкретно-исторической дисциплине. Он выступал категорически против любых попыток нарушить нормальную процедуру исследования, будь то создание истории первобытности без исторической конкретики или переход на уровень социологических обобщений *до* того, как изучены факты (по возможности, адекватно). Здесь А.Н. Рогачев, сам того не подозревая, шел в русле идей таких великих философов истории, как А.С. Лаппо-Данилевский и Р.Дж. Коллингвуд ².

"Феномен Рогачева" заслуживает пристального изучения. Очень многое из того, что было им сделано, сохраняет свою актуальность и в наши дни. Что греха таить, многие его работы написаны тяжёлым языком. Верные наблюдения порой перемежаются в них с замечаниями "идеологического" порядка, читать которые в наши дни и тяжело, и досадно. Но одно несомненно: пренебрежение этим наследием не принесёт нашей археологии ничего, кроме вреда.

---

² Подробнее об этом см. статью М.В. Аниковича "О конкретно-историческом подходе..." в настоящем сборнике.

К сожалению, при работе над его биографией мы пока не смогли использовать обширные материалы личного фонда А.Н. Рогачёва в архиве ИИМК РАН. Этот фонд до сих пор не разобран. Его квалифицированная обработка потребовала бы не менее года. В настоящий момент приходится ограничиться более узким кругом источников. В число их вошли материалы личного дела А.Н. Рогачёва в архиве ИИМК РАН, его "аспирантский билет", дело о защите кандидатской диссертации, а также различные сведения о нём, почерпнутые из обширных фондов ГАИМК-ИИМК. Помимо архивных данных, в статье использованы устные рассказы коллег (в том числе и личные воспоминания М.В. Аниковича, достаточно тесно общавшегося с Александром Николаевичем на протяжении последних 12 лет его жизни).³

Кроме того, по ходу работы нам пришлось постоянно обращаться к публикациям самого А.Н. Рогачева и составить, по возможности, полный список его трудов. Этот список также публикуется в настоящем сборнике.

Начало пути

Александр Николаевич Рогачёв родился 28 августа 1912 г. (по новому стилю) в глухом мордовском селе с необычным названием Альдия. По старому административному делению село входило в состав Носиновской волости Шацкого уезда, расположенного на юго-востоке Рязанской губернии. После революции Альдию отнесли уже к Моршанскому уезду Центральной Черноземной области (позднее – Моршанский район Тамбовской обл.). Николай Иванович Рогачёв, отец будущего учёного, владел в селе домом и двором. Вероятно, родители были бедны всегда, но самые тяжёлые времена начались, когда в 1914 г. отца забрали в солдаты. На фронте Николай Иванович пропал без вести. Жене его, Пелагее Лукьяновне, было тогда 34 года.

По-видимому, после потери кормильца хозяйство пришлось распродать. Могла ли вдова с двумя малыми детьми на руках в одиночку осилить мужскую работу? В одной из своих анкет А.Н. Рогачёв упоминает, что в годы революции его мать работала кухаркой на Николаевской мельнице Спасского уезда. Вероятно, получить такое место было большой удачей для Пелагеи Лукьяновны. В разговорах с учениками Александр Николаевич, случалось, вспоминал и другое – как по весне они с матерью с сумою ходили по миру, собирая куски по деревням.

С концом гражданской войны крестьянская жизнь началась заново. Но семье Рогачёвых приходилось думать не о зажитке, а о том, как бы выжить. В апреле 1921 г. (то

---

³ Фрагменты, содержащие личные воспоминания коллег об А.Н. Рогачёве, выделены в тексте курсивом. Рассказ в них ведётся от первого лица.

есть с 9 лет) сын бедной вдовы идет вместе с нею батрачить к местному "кулаку" Д.А. Клейменову. Тот прежде служил у помещика сторожем, но в революцию имение было разгромлено. Надо полагать, бывший сторож поимел на этом немалую выгоду. В начале 1920-х гг. у него оказалось собственное крупное хозяйство. В нем, по словам Александра Николаевича, работали трое постоянных батраков и много подёнщиков. Сам он нанимался туда на лето – пастухом.

В первый год батрачить пришлось "из хлеба", то есть без заработка, за одну кормёжку. Но в дальнейшем Александр ежегодно получал у Клейменова от 8 до 12 пудов зерна в год. Вероятно, именно в эти годы он неплохо освоил всякую мелкую крестьянскую работу (много лет спустя, уже будучи начальником Костенковской экспедиции, А.Н. Рогачев удивлял сотрудников своим умением плести лапти, а порой и дарил им аккуратные "лапотки" ко Дню Археолога). Зимой он учился в начальной сельской школе – но только "по снегу". А едва снег сходил, вновь начиналась крестьянская работа и заработки. Какое уж тут ученье?

Этот рассказ о детстве Александра Николаевича очень смахивает на иллюстрацию к советскому учебнику "Родная речь", с проникновенными (пусть не очень правдивыми!) строчками А.Т. Твардовского:

...Совсем ли голодный, не очень ли сытый,
Я все-таки рос и годов с десяти
Узнал, что одна мне наука открыта –
Как лапти плести да скотину пасти.

И плёл бы я лапти, и, может быть, скоро
Уже обогнал бы отца своего,
Но был на земле человек, о котором
В ту пору я вовсе не знал ничего.

Под Красное знамя бойцов собирая,
Все тяготы жизни познавший вполне,
Он видел меня из далёкого края... И т.д.

У каждого народа – свои мифы. У каждого времени – тоже. В Америке босоногому мальчугану из трущоб рассказывали о том, как другой мальчик, еще беднее его, сделался потом президентом США. А в довоенном СССР голодной ребятне поколения А.Н. Рогачёва всячески внушалось, что до революции им жилось бы *ещё хуже*, ибо при "царизме" никакой дороги к культуре, к образованию для бедного человека не было. И это, действительно, стало одним из самых распространённых мифов советского времени.

Разумеется, в каждом мифе сплетены воедино и правда, и ложь. В данном случае, правда заключалась в одном: до революции высшее образование в России не являлось профанацией. Осилить его бедняку, конечно, было делом многотрудным. Такое удавалось

не всем. Но ведь удавалось же! Сколько известных людей, сколько учёных в пореформенной России сумели, в конечном счете, пробить себе дорогу, учась "на медные деньги"!

Вспомним стихи другого поэта, очень чтившегося русской революционной демократией – Н.А. Некрасова:

...Вижу я в котомке книжку,
Так, учиться ты идешь...
Вижу, батька на сынишку
Издержал последний грош.

...Не без добрых душ на свете –
Кто-нибудь свезёт в Москву,
Будешь в университете –
Сон свершится наяву.

...Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных, то и знай... ("Школьник")

Вряд ли можно заподозрить Н.А. Некрасова в склонности "приукрасить" русскую жизнь второй половины XIX в. Скорей уж, наоборот!.. Конечно, чаще всего до университетов доходило не первое, а уже второе поколение выходцев из "низших" сословий. Их "батьки", добившиеся скромного достатка, на последние гроши выучивали в гимназиях сыновей. Именно в такой семье родился будущий подвижник русской археологии А.А. Спицын. Иногда же, действительно, "сон свершался наяву". И самый яркий тому пример – Иван Семёнович Поляков, первооткрыватель палеолита в Костенках. Уж этот-то, что называется, вышел из самых "низов"! Однако... природные способности, любознательность, немного удачи – и вот сын рядового казака и бурятки приезжает из Восточной Сибири в Санкт-Петербург, одолевает там полный курс наук, становится серьёзным учёным.

Университетская и академическая среда оказывала глубокое, *формирующее* влияние на всех этих поповских, крестьянских и солдатских сыновей, которые, волею судеб, в неё попадали. Вот характерный пример: петербургский историк и археолог И.А. Шляпкин родился крепостным крестьянином. Но кто бы о том догадался, наблюдая его в зрелую пору? Впрочем, профессор Шляпкин не делал тайны из своего происхождения, более того – поставил на отцовском крестьянском дворе памятник императору Александру Освободителю... И сам он, и его коллеги были *интеллигентами*. Принадлежность к этому неофициальному сословию старой России на практике уравнивала между собой выходцев из всех остальных сословий.

Советская власть пошла по иному пути: не "поднимать" рабочих и крестьян до университетского уровня, а по возможности, "опустить планку" высшего образования. В 1920-е гг. в СССР была поставлена задача в кратчайшие сроки вырвать науку из рук "буржуазных" ученых. Отсюда вытекало важнейшее требование: как можно скорее подготовить "марксистскую смену" всем этим интеллигентам, получившим образование в царской России. Чтобы провести указанное требование в жизнь, нужны были люди, готовые поверить в марксизм безоговорочно, как в Бога. Наибольшее доверие в этом плане внушали самые малограмотные ребята, ещё не испорченные интеллигентской привычкой думать и рассуждать обо всём на свете. Их-то и принимали на "рабочие факультеты", открытые по всей стране. А едва обучив грамоте, устраивали им "зелёную улицу" при приёме в ВУЗы. В результате, конечно, университетские программы приходилось урезать... Однако и в этом новом потоке оказалось немало людей, исключительно одарённых по природе.

Первым человеком, заметившим недюжинные способности А.Н. Рогачёва, был его школьный учитель А.С. Троепольский. Во всех своих довоенных автобиографиях Александр Николаевич неизменно упоминает этого человека. Только "по настоянию учителя" он не бросил учёбу после четвёртого класса, а отправился в городок Моршанск, в семилетку.

Что это был за учитель? Принимая во внимание, в какие годы учился у него А.Н. Рогачёв (1921-1925), можно предположить в нём человека "старой генерации". Возможно, он служил еще до революции в местном церковно-приходском училище, которое и стало затем называться "сельской начальной школой". Александр, по собственным словам, успешно окончил там четвёртый класс, "несмотря на большие пропуски". Однако дальнейшие его перспективы были туманны.

Для того, чтобы послать мальчика учиться в Моршанск, надо было худо-бедно устроить его там на квартиру, снабдить деньгами. Денег у матери не было. Но "настояния" А.С. Троепольского не ограничились словесными убеждениями. Кончилось тем, что на зиму учитель устроил Пелагею Лукьяновну работать сторожихой сельской школы, а дочь её взял к себе домработницей⁴. Так были изысканы средства для Александра получить среднее образование. А.С. Троепольский, действительно, сыграл огромную роль в жизни будущего учёного. Без его вмешательства Россия не получила бы выдающегося археолога А.Н. Рогачёва. Вместо этого где-нибудь в Поволжье скончал бы дни скромный колхозник А.Н. Рогачёв.

---

⁴ В дальнейшем сестра А.Н. Рогачёва окончила совпартшколу и сама сделалась учительницей начальных классов.

В "семилетке" Александр Николаевич проучился всего два года – впрочем, тоже "по снегу", с весны до поздней осени работая дома. Но с этого времени учёба в школе стала для него уже не просто учёбой. В Моршанске, в отличие от деревни, имелись и пионерская организация, и комсомольская ячейка. Политическая жизнь там кипела. И конечно, вчерашний батрак, сын неимущей вдовы, сразу же оказался в неё вовлечён и должным образом "ориентирован". С 1925 г. он – член организации ЮП (юные пионеры), с 1926 г. – вожатый звена, потом – помощник вожатого отряда.

Вступление в пионеры в середине двадцатых ничуть не напоминало то, во что оно превратилась позднее, в послевоенные и, тем более, послесталинские времена. Тогда, в 1925 г., это был настоящий "шаг в политику". И Александр Николаевич сделал его с искренней верой в грядущий коммунистический рай. В конечном счёте, семилетку он так и не окончил, но зато успешно выдержал в 1928 г. вступительные "испытания" в Моршанский педагогический техникум Центральной Черноземной области. Судя по его собственным позднейшим воспоминаниям, этот последний представлял собой вариант того же "рабочего факультета".

Жизнь и учёба катились далее по накатанной колее. Весной 1930 г. активный комсомолец А.Н. Рогачёв "командируется" педтехникумом и Моршанским райисполкомом на педагогический факультет Воронежского университета (характерно: ни о каких вступительных "испытаниях" на сей раз даже речи не шло!). Но с учёбой в ВГУ ничего не получилось: Александр заболел. Пришлось уехать в деревню – набираться сил, временно поработать там в школе. Стоит учесть, что это был за год. Полным ходом шло "раскулачивание", и сельский комсомолец никак не мог не участвовать в нём. Много лет спустя Александр Николаевич рассказывал, как один из партийцев, присланных к ним, был убит кулаками, и это произвело на него страшное впечатление.

Именно в 1930 г. в его жизни случилось событие, имевшее весьма далеко идущие последствия. Отставшего от своего потока комсомольца-рабфаковца не только не отчислили из ВУЗа, но, "ввиду отсутствия нового, осеннего набора", перевели из Воронежа в Ленинградский институт литературы и истории – так назывались тогда остатки разгромленного Факультета общественных наук (ФОНа, позднее названного Ямфаком), возникшего, в свою очередь, "на развалинах" прежних историко-филологического, юридического и восточного факультетов Петроградского университета. В 1931 г. ЛИЛИ занимал здание по Университетской наб., д. 11, где в настоящее время находится филфак.

Как такое могло быть возможно? – Во-первых, безусловно, сыграло роль то, что в 1931 г. набор в ЛИЛИ производился исключительно по "классовому" признаку – у детей

"совслужащих" попросту не принимали документы. Александру Рогачёву выпало учиться на "музейно-краеведческом отделении". Это было характерной приметой времени: к 1930 г. зоологию в университете сменило "животноводство", ботанику – "растениеводство", филологию – "экскурсионно-переводческое дело", а археологию и историю – "краеведение". Впрочем, студенты, поступившие в 1931 г., были последними, кто учился на подобных отделениях. Уже в 1932 г. их сменили более традиционные – историческое, литературоведческое и лингвистическое.

Насколько осозанным стал этот выбор будущей профессии для юного рабфаковца из Моршанска? – По-видимому, он сделал его по зову сердца. Летом 1931 г. Александр Рогачёв впервые отправляется в археологическую экспедицию в качестве практиканта. Таковой оказалась Таманская экспедиция ГАИМК, под руководством А.А. Миллера. Тогда же зам. председателя Академии Ф.В. Кипарисовым был подписан приказ: "Распоряжением ... от 26 июля 1931 г. зачисляются на должность научных сотрудников II разряда с 16 июля Зиядинов, Рогачёв, Стрженецкий." [Личное дело: л. 1]. Что сие означало, было бы трудно понять, если б сам Александр Николаевич случайно не упомянул в одной из анкет, что учился в институте "на стипендии ГАИМК".

Официально ГАИМК вряд ли имела право платить стипендии студентам. Но на Руси искони умели обходить все писанные законы. Вероятно, усилия нового руководства академии в деле поиска новых, "марксистских" кадров археологов выразились не только в заключении контрактов со студентами-комсомольцами, заканчивавшими университет в 1929-1930 гг. (среди которых, кстати, были П.И. Борисковский, Е.Ю. Кричевский, Б.Б. Пиотровский и др.). Одновременно была сделана попытка "спонсировать" учёбу отдельных рабфаковцев из глубинки, проявивших интерес к археологии. Выявить таковых было нетрудно: ведь Ф.В. Кипарисов (который и вершил тогда все дела Академии за больного Н.Я. Марра) являлся заведующим музейно-краеведческим отделением ЛИЛИ [Тихонов, 2003: 159]. Конечно, он хорошо знал своих студентов и, вероятно, сумел разглядеть в моршанском комсомольце Александре Рогачёве недюжинные способности и тягу к знаниям. В результате, с первого же года студенчества ГАИМК платила А.Н. Рогачёву зарплату, как своему сотруднику.

В целом, учёба в ЛИЛИ (с 1932 г. – ЛИФЛИ) далась Александру без особых трудностей, несмотря на огромные пробелы в школьной подготовке. Как уже говорилось выше, ВУЗовские программы начала 1930-х были заметно более "облегчёнными", чем в прежние времена. В год поступления А.Н. Рогачёва в институт там ещё сохранялся так называемый "бригадно-лабораторный" метод, исключавший всякие зачёты и экзамены. Лекции официально признавались буржуазным пережитком. Учебный курс был рассчитан

на 4 года, но поощрялось "в порядке ударничества" проходить его быстрее – за 2,5-3 года. Огромное количество времени отнимали у студентов всевозможные собрания, на которых клеймились и изгонялись из института "чуждые элементы", скрывшие своё неподобающее социальное происхождение.

Безусловно, образование, полученное таким способом, трудно назвать "высшим". Но характерно: немало рабфаковцев, зачисленных по "классовому признаку", было потом отсеяно из ЛИФЛИ, ибо не потянули даже выхолощенную учебную программу. А.Н. Рогачёв, напротив, считался "ударником", никогда не имевшим задолженностей. Нет сомнений, он с великим упорством грыз гранит всех наук. К тому же (к счастью для Александра Николаевича!) с осени 1932 г. в институте возобновились и зачёты, и чтение лекций. Курс истории первобытного общества был среди них одним из самых интересных.

Здесь стоит напрямую "предоставить слово" известному российскому востоковеду И.М. Дьяконову, учившемуся в ЛИФЛИ на курс моложе А.Н. Рогачёва и оставившему интереснейшие воспоминания, в том числе о своем студенчестве.

"...Наиболее поразительным лектором был Исаак Натанович Винников. Маленький, с огромными ушами, как карикатура из антисемитского журнала и одновременно как карикатура на д-ра Геббельса, он говорил с ужасающим акцентом... Несмотря на всё это, он буквально завораживал своей своеобразной речью, её неожиданными поворотами, сведениями из самых неожиданных областей, живостью жестикуляции..."

– Тайлор! – восклицал он и делал паузу. – Я говорю "Тайлор"! Некоторые говорят "Тейлор", но они не знают английского языка. Тайлор, что он выдвинул? Он выдвинул понятие пэрэжитка. Вы знаете, что такое пэрэжиток?

Тут он, стоя на эстраде актового зала, поворачивался спиной к слушателям и начинал медленно задирать край пиджака к пояснице.

– Вот что такое пэрэжиток! – восклицал он. – Вы знаете фрак? Так у фрака фалды, а на этом месте пришиты пуговицы. Почему на этом месте пуговицы? Вы думаете ув чём сэкрэт, пришили тут пуговицы! Ув чём сэкрэт? Сэкрэт не ув этом! Джентльмены охотились на лисиц верхом, так фалды им мешали, они их туда пристёгивали. – (Жест.) – Но теперь дирижёр, он не охотится на лисиц, он стоит во фраке и машет палочкой. Вот это есть пэрэжиток.

Все это кажется анекдотом, но анекдот только приковывал внимание, и вся лекция была наполнена увлекательным содержанием. Рассказ его об ирокезах поражал живостью обрисовки самой сути первобытного общества. Попутно он рассказывал, как ирокезы

избрали Л.Г. Моргана своим почётным вождем; как он, Винников, сличал книгу Моргана с нашим русским переводом основанной на ней книги Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства" и нашёл в нём сотни ошибок, как он добился исправления перевода и нового издания, ... как он издавал по-русски самую книгу Моргана и для уточнения некоторых вопросов переписывался с главным сахомом ирокезов... Впоследствии я с удовольствием нарочно прослушал курс винниковской "Истории первобытного общества" ещё раз. Читая вторично тот же курс, Винников ни разу не повторился" [Дьяконов, 1995: 263-264].

По свидетельству И.М. Дьяконова, половина его однокурсников выбрала специализацию ("цикл") по истории первобытности – исключительно благодаря лекциям И.Н. Винникова. Ничего удивительного, что и А.Н. Рогачёв увлёкся этим предметом. Помимо того, он должен был прослушать курсы по истории материальной культуры и музееведению, читавшиеся Ф.В. Кипарисовым. Нам представляется, этот последний сыграл немалую роль в становлении А.Н. Рогачева как ученого. Стоит сказать о нем несколько слов особо.

Фёдор Васильевич Кипарисов был высоко образованным и талантливым человеком. Обстоятельства сложились так, что все свои дарования он принёс в жертву карьере советского партийно-профсоюзного функционера. Единственное, что от него осталось – небольшая теоретическая статья "Вещь – исторический источник" [Кипарисов, 1933; Антология, 1995: 145-153]. В ней он во многом опередил своё время, а целый ряд положений этой статьи не устарел до сих пор. В отечественной историографии она до сих пор не оценена должным образом. Между тем, преемственная связь последующих взглядов А.Н. Рогачёва на археологию с этой работой, явно представлявшей собой квинтэссенцию лекционного курса, кажется сейчас вполне очевидной.

В целом, о преподавательском составе и учебных программах ЛИЛИ-ЛИФЛИ 1931-1933 гг. судить достаточно трудно, в силу непрерывной организационной неразберихи, происходившей там в это время. Достоверно известно, что занятия по методологии истории доклассового общества вёл С.Н. Быковский. Кроме того, в 1931 г. А.А. Миллер читал студентам музейно-краеведческого отделения "Технику археологических раскопок и научные зарисовки". С 1933 г. общий курс истории доклассового общества начал читать Е.Ю. Кричевский [Тихонов, 2003: 155-165]. По-видимому, семинарские занятия по каменному веку (точнее, "истории дородового общества") велись в этот период П.П. Ефименко. В целом, можно констатировать: годы учёбы А.Н. Рогачёва совпали с самым тяжёлым периодом в истории археологического образования в Петербурге-Ленинграде.

Летом 1932 г. он опять побывал в экспедиции в качестве практиканта. На сей раз то была экспедиция "по изучению феодального города" – раскопки древнего Новгорода под руководством А.В. Арциховского. Год спустя, "ударно" окончив ЛИФЛИ, Александр до осени успел поработать в Нуриной экспедиции П.С. Рыкова. Вернувшись в Ленинград, он поступает в аспирантуру Института истории доклассового общества ГАИМК. Сам факт выдвижения А.Н. Рогачёва в аспирантуру вряд ли может удивить: он был "законтракован" Ф.В. Кипарисовым с самого начала. К тому же, учась в ЛИФЛИ, "сумел... показать пример ударной работы в учёбе с активной общественной работой, будучи дважды премирован за высокие качественные показатели" [Личное дело: л. 2].

Анкета у Александра Николаевича была идеальной. Социальное происхождение – крестьянин-бедняк. Батрацкий стаж – 4 года. Член ВЛКСМ с 1928 г. В ЛИФЛИ – секретарь комсомольской ячейки. В 1932 г. вступил в члены ВКП(б)... Нет сомнений, никакие соображения карьеры сюда не примешивались. В отличие от многих других "выдвиженцев" 1930-х гг., Александр Николаевич был кристально честным человеком – и остался таким на всю жизнь.

Рассказывает М.В. Аникович:

В 1975 г. мы ехали в Костенки в мае, как раз в момент очередных "всенародных выборов" в Верховный совет СССР. Уже в поезде Александр Николаевич неожиданно задал мне вопрос:

– Миша, а вы открепительный талон взяли?

Я, как это было принято в нашей среде, беспечно хмыкнул и махнул рукой:

– Да какая разница, Александр Николаевич? Всё равно 99,8% проголосуют "за".

Ответа не последовало, но дня через два после завтрака Рогачёв неожиданно сказал:

– Миша, я думаю, вы все-таки не правы.

Я был ошеломлен. В чем не прав? Вроде, ни о чём и не спорили...

– А вот, помните, вы сказали тогда: "Какая разница?.." Нет, каждый из нас должен отвечать за свои поступки...

В те годы я сам был убеждённым марксистом, правда, марксистом ярко выраженного ревизионистского толка. Главная суть моих идей заключалась в следующем: конечно, в СССР социализма нет и в помине, и никакой приход коммунизма в обозримом будущем нам не грозит. Революция 1917 г. была не социалистической, а империалистической. Империализм же, с огосударствлённой собственностью на средства производства и чиновничьим засильем, есть не что иное, как зеркальное отражение "азиатского способа производства".

Ни пролетариату, ни, тем более, крестьянству, коммунистические идеалы не нужны. Партийным чиновникам – тем паче. Они нужны интеллигенции. Переход к коммунизму станет возможным тогда, когда интеллигенция "из класса в себе станет классом для себя", займёт ведущее

положение в производстве и осознает это положение. Современная научно-техническая революция показывает реальность такого процесса...

Ну вот... И все ЭТО я ничтоже сумняшеся выкладывал своему учителю во время наших многочасовых бесед и дискуссий у него дома. И "твердокаменный" марксист А.Н. Рогачёв слушал внимательно и заинтересованно. В конце концов он сказал:

– А что, пожалуйста, это интересно... Мы когда-то недооценили идею азиатского способа производства...

Ему даже в голову не могло прийти, что его аспирант впал в явную ересь, и следует сообщить об этом в партком... Я же, как ни стыдно признаться в этом теперь, был настолько глуп, что искренне верил: марксизм – не догма, а руководство к действию. Слухи о заключении здоровых людей в психушку – явное враньё. Пусть наша родимая советская действительность далеко не идеал, но... не до такой же степени!

Впоследствии я много думал о том, как в одном человеке могло сочетаться несовместимое – полнейшая "твердокаменность" в вопросах идеологии и удивительное свободомыслие, лишь только речь переходила в профессиональную область? Боже мой, сколько драгоценного времени было потрачено им на изучение "марксистской философии", в том числе, самых третьесортных авторов из стран "победившего социализма"! Но в науке для А.Н. Рогачёва не существовало ни закрытых тем, ни "последних постановлений ЦК КПСС" (кстати, наши с ним ревизионистские рассуждения об азиатском способе производства – достаточный тому показатель!)... Лишь много позднее я стал понимать его.

Да, до конца своих дней мой учитель оставался истово верующим марксистом. Рассматривая марксизм, как одну из разновидностей мифологизма, я говорю здесь именно о ВЕРЕ, заранее исключаящей критику своего СИМВОЛА. Александр Николаевич был свято убеждён в научности "подлинного" марксизма-ленинизма. И уж, конечно, по его представлениям, все его собственные реальные успехи в археологии закономерно вытекали из установок исторического материализма – их верного истолкования и творческого развития.

Но идеология и научное познание – две РАЗНЫЕ сферы интеллектуальной деятельности. А потому при анализе творческого наследия этого выдающегося учёного можно и должно разделять то, что воспринималось им самим, как неразрывное единство. В действительности, марксистская вера Александра Николаевича, в сочетании с природной интуицией и глубокой честностью исследователя привели к появлению любопытного феномена: все научное, интересное, свежее становилось для него марксистским, а не наоборот...

Путь в науку

Приказ о зачислении А.Н. Рогачёва в аспирантуру ИИДО ГАИМК (по кафедре истории дородового общества) был подписан 1 октября 1933 г. Три последующих года явились для него величайшим испытанием и окончательно решили его судьбу. Именно тогда было положено начало подвижническим трудам Александра Николаевича на ниве археологии.

Никакое "социальное происхождение", никакая партийность не помогли бы, не окажись у этого юноши-рабфаковца настоящих способностей к научной работе. Уже в 1934-1935 гг. аспирантов, занявших свои места исключительно "по классовому признаку", начали выгонять из Академии одного за другим. На совещании у Ф.В. Кипарисова, состоявшемся в начале февраля 1935 г., констатировалось, что "наиболее неподготовленная" часть аспирантов, зачисленных в последние два года, уже отсеяна. Остальным необходимо "восполнить пробелы ударной работой". Прямо говорилось о том, что аспиранты не прошли полного университетского курса, не знают иностранных языков, загружены "посторонними обязанностями", общественной работой, что мешает академической подготовке и т.п. [Протоколы... 1935: л. 17].

Напомним: у руля всех наук находились тогда партийцы. Труды археологов оценивались, в первую очередь, по степени их соответствия (или несоответствия) марксизму. Но всё это ничуть не помешало П.П. Ефименко, научному руководителю Александра Рогачёва, потребовать от своего "партийного" аспиранта проработки обширной иностранной литературы по каменному веку – и в переводах, и в подлинниках. Все выступления А.Н. Рогачёва на заседаниях ИИДО в указанный период – это, в основном, сообщения о скромных успехах в изучении языков и ещё – о прочитанных книжках.⁵ Характерно: в списке обязательной литературы, указанной в его "аспирантском билете", труды "буржуазных" ученых (А. де Мортилье, А. Брейля, Г. Обермайера, М. Гёрнеса, О. Менгина и очень многих других) мирно соседствуют с трудами недавно репрессированного С.И. Руденко и "ревизиониста" Г. Кунова... [Билет аспиранта: л. 10; Личное дело: л. 13]. Два года он просто читал. О реальном написании диссертации не приходилось и думать. Этот рубеж одолели сразу лишь немногие аспиранты 1930-х гг.

Восполнять недостатки образования Александру помогали природная одарённость и невероятное упорство. Но, по-видимому, было трудно. Временами появлялись "хвосты", несданные зачёты. Пошатнулось здоровье: начались неполадки с лёгкими... С темой диссертации ему изначально не повезло. Вначале она звучала так: "Ранние дюнные поселения первобытного человека на Европейской территории СССР". В 1935 г., съездив в Угличскую экспедицию с П.Н. Третьяковым и О.Н. Бадером, А.Н. Рогачёв окончательно убеждается: тема не обеспечена материалом. Необходимы ещё долгие поисковые работы, потом новые раскопки памятников [Протоколы... кафедры, 1935: л. 16] По его просьбе, на

⁵ Чрезвычайно интересно, что самый первый доклад, прочитанный аспирантом Рогачёвым на кафедре (27.01.34), назывался "Некоторые вопросы экспозиции дородового общества (о методе концентрации в экспозиции палеолитического материала)" [Протоколы и материалы, 1934: л. 4]. По-видимому, занятия по музееведению у Ф.В. Кипарисова не прошли даром для А.Н. Рогачёва. Указанные вопросы продолжали занимать его всю жизнь. Не случайно именно он в дальнейшем стал главным инициатором создания музея в Костёнках (см. статью В.В. Попова в настоящем сборнике).

третьем году аспирантуры тему ему меняют. Но вновь незадача: материалы, необходимые для разработки уже этой новой темы, находятся в Киеве!..

"Настоящим заявляю, что тема диссертации "Ранние дюнные поселения первобытного человека восточно-европейской части СССР" не может быть выполнена в силу отсутствия необходимого материала для её написания. Добывание же материала сопряжено с большими трудностями. С согласия... руководителя П.П. Ефименко тема диссертации изменена. Материалом для диссертации будут служить палеолитические стоянки Днепроостроя. Для этого мне совершенно необходима командировка в Киевский институт истории материальной культуры УАН для обработки коллекций двух палеолитических стоянок Дубовая и Кайстрова Балка⁶. На этом материале и будет построена моя диссертация. Исходя из этого, прошу Вас, во-первых, утвердить тему моей диссертации, которая в самой общей и предварительной форме может быть названа "Верхнепалеолитические стоянки Днепроостроя". Во-вторых, прошу Вас оказать мне помощь и содействие в получении командировки в Киев для обработки указанных двух коллекций стоянок. А. Рогачёв. 14.04.36."

На этом заявлении имеется резолюция директора ИИДО В.И. Равдоникаса: "Если кафедра не возражает, тема для диссертации тов. Рогачёва может считаться приемлемой. Ходатайствую о предоставлении командировки Рогачёву в Киев" [Личное дело: л. 28].

На следующий день Александр Николаевич обращается с просьбой о командировке в Киев к Ф.В. Кипарисову. Из этого заявления становится ясно, что договорённость с ИИМК УАН у аспиранта уже имеется: "...Через И.А. Лепикаш и Т.Т. Тесля, которые приглашали меня для обработки этих коллекций, я узнал все необходимые сведения о состоянии и хранении этих коллекций. В настоящее время под руководством П.П. Ефименко я готовлюсь к командировке..." На документе есть приписка: "Считаю просимую аспирантом Рогачёвым командировку в Киев необходимой для подготовки им его диссертационной работы. Зав. кафедрой дородового общества П. Ефименко" [Личное дело: л. 29].

Двух лет пребывания в ГАИМК оказалось достаточно, чтобы недавний рабфаковец, всего 2,5 года проучившийся перед тем в ЛИЛИ-ЛИФЛИ, превратился в специалиста, которого *приглашали* в другие учреждения для обработки и описания коллекций новых палеолитических памятников. Из цитированных документов становится ясно, что в этот период Александр Николаевич уже отчётливо представлял себе, как

⁶ Стоянки в Кайстровой Балке были открыты и исследовались А.В. Добровольским в 1931-32 гг. Раскопки носили спасательный характер [Береговая, 1960: 137-138]. Автор раскопок в описываемый период благополучно работал в Днепрпетровском музее [Мезенцева, 1997: 39], но, по-видимому, совершенно не имел опыта классификации палеолитических – раннемезолитических материалов.

именно будет строиться его научная работа. Он явно не сомневался, что основой диссертации должны быть материалы конкретных памятников, должным образом обработанные и осмысленные – и чувствовал себя вполне в силах осуществить всё это на деле. Он удачно избежал соблазна оторваться от материала, утонув в вульгарно-социологической схоластике, весьма модной в первой половине 1930-х. Это направление процветало до поры под эгидой С.Н. Быковского и увлекло в свою орбиту немало способных молодых аспирантов, получивших куда более удовлетворительное образование, чем А.Н. Рогачёв – П.И. Борисовского, А.Н. Бернштама, Е.Ю. Кричевского. Однако во второй половине 1930-х в советской археологии уже определённо наметился поворот "назад, к источникам". А.Н. Рогачёву отчасти просто повезло, что он всегда сторонился С.Н. Быковского и не потерял времени на социологизаторские штудии – бессмысленные и никому не нужные. Но, вероятно, уже тогда в этом проявилась его сущность, как исследователя: всегда и во всём идти *от конкретного материала*.

Командировка в Киев была получена А.Н. Рогачёвым 10 июня 1936 г. Последующий период лета-осени 1936 г. совпал с крупнейшими потрясениями в ГАИМК – был арестован её руководитель Ф.В. Кипарисов. Временно настало "безвластие". Положение как-то пытался спасти тогдашний учёный секретарь ГАИМК В.И. Селиванов. По-видимому, именно ему принадлежала идея "распределить" Александра Николаевича на работу в Киев. Официально срок аспирантуры Рогачёва кончался осенью 1936 г. В то время научные учреждения не имели права зачислять в штат своих аспирантов, окончивших курс. О продлении срока тоже не приходилось и думать. ГАИМК уже получила на сей счёт строжайший приказ Наркомпроса: "Директорам университетов и научно-исследовательских учреждений прекратить массовые ходатайства о продлении стажа аспирантам, допуская последние в исключительных случаях (длительная болезнь) ..." [Приказы Наркомпроса, 1935: л. 7]. Несомненно, перспектива работы в Киеве, в ИИМК УАН, представлялась наилучшим выходом из положения – и для руководства ГАИМК, и для самого А.Н. Рогачёва.

"Дорогой Владимир Иванович! Большое спасибо за быстроту и аккуратность в ответах на мои запросы. С получением второй телеграммы (по содержанию диаметрально противоположной первой), я спокойно начал работать. Перспектива работы в ИИМК [АН УССР. – *Н.П. и М.А.*] меня радует. Здесь масса материала и масса работы, и свободная инициатива. С ГАИМК буду связан, как её питомец. Как Вы мыслите оформить меня в штат ИИМК? Нужно ли ходатайство или обязательство ИИМК в том, что он всемерно обязуется помочь мне при написании диссертации?

Как обстоит вопрос с моей поездкой в экспедицию? Участвую ли я в Днепровской экспедиции или нет? В Институте прямого ответа не дают, так как не ясен вопрос о поездке Борисковского П.И. Намечен ли я в Костёнковскую экспедицию? С П.П. Ефименко я хотел бы поехать, так как практики по копанию палеолита у меня мало. Институт в эту экспедицию меня согласен отпустить. К концу этого месяца я кончаю обработку материалов Кайстровой Балки⁷. В поездке в Днепропетровск особой нужды теперь нет, так как мне прислали оттуда план раскопа IV стоянки на Кайстровой балке. С материалом же я ознакомлюсь позже.

Август месяц, если не поеду в Днепровскую экспедицию, проведу в Ленинграде за обработкой мадленских стоянок Костёнок в МАЭ. ... (нрзб) если не поеду в Костёнки, буду переезжать и отдохну. Здоровье у меня неважное. Последние 2 дня у меня (по утрам) кровохаркание, если дальше будет продолжаться, пойду в больницу. Лёгкие у меня давно больны.

Какой отчёт Вы просите, я не понял из телеграммы: денежный отчёт или сообщение о работе? Будьте добры, Владимир Иванович, не замедлите с ответом.

А. Рогачёв 10.VII.36. г. Киев" [Личное дело: л. 33-33 об.].

Практики в раскопках стоянок палеолита у Александра Николаевича, действительно, было мало. Он недаром стремился в Костёнки. Лишь один сезон, совсем начинающим, зелёным аспирантом, удалось ему поработать в экспедиции П.П. Ефименко 1934 г. (в 1935 г. раскопок в Костёнках не производилось). Характерно, что уже тот первый сезон ознаменовался открытием им новой стоянки: на центральном мысу Аносова лога А.Н. Рогачёвым была обнаружена стоянка Костёнки 10 (Аносовка 1) [Векилова, 1977: 209-210].

В 1936 г. вопрос о его участии был решён положительно. Александр Николаевич приезжает в Костёнки из Киева – и на сей раз уже становится непосредственным руководителем раскопок на Костёнках 1⁸. Его "взросление" шло исключительно быстрыми темпами. В этом сезоне им был открыт один из известнейших в будущем памятников – Костёнки 8 (Тельманская стоянка).

Работы в Костёнках производились, по тогдашнему обыкновению, до снегов. А.Н. Рогачёв уехал оттуда только 20 ноября. В начале декабря он уже снова в Киеве. Вскоре от него приходит запрос: "Учёному секретарю ГАИМК В.И. Селиванову. 7. XII. 1936 г. Прошу выслать мне или ИИМК все документы, которые мне необходимы, как

⁷ Эти материалы были в дальнейшем опубликованы [Рогачёв, 1941: 249-264].

⁸ Работы Костёнковской палеолитической экспедиции ГАИМК 1936 г. велись двумя отрядами, под общим руководством П.П. Ефименко. Раскопками на Костёнках 1 руководил А.Н. Рогачёв, раскопками на Борщёво 2 – П.И. Борисковский [Векилова, 1977: 210].

перешедшему на работу в другое учреждение. Прежде всего, справку об окончании мною аспирантуры, справку об окончании ЛИФЛИ и другие документы, которые мне необходимы и могущие быть пересланы. Трудовой список пошлите в Институт, официальный запрос, как мне известно, уже сделан. А. Рогачёв [Личное дело: л. 35].

Был ли сделан, на деле, официальный запрос, до сих пор остаётся тайной. Известно только одно: 10 декабря академией была получена цитированная телеграмма, а уже 23 декабря распоряжением по ГАИМК № 962/л "Рогачёв А.Н. зачисляется в Институт истории доклассового общества и.о. старшего научного сотрудника с окладом 300 руб. в месяц с 22 декабря текущего года. Основание: заявление тов. Рогачёва А.Н. с резолюциями директора ИИДО тов. Равдоникаса и предс. Академии О.О. Крюгера..." [Личное дело: л. 43].

Что произошло в эти две недели? Быть может, очередная "реорганизация" ИИМК АН УССР, сопровождавшаяся арестами институтского руководства? В 1936-1937 гг. такие события стали обыденными... Так или иначе, прежние договорённости были нарушены, и Александр Николаевич возвратился назад с известием, что в Киеве, куда он был направлен Наркомпросом, отказались взять его на работу [Личное дело: л. 41]. И – был немедленно зачислен в штат ГАИМК. Наличие формального отказа ИИМК АН УССР устраняло препятствие, имевшееся ранее – запрет брать на работу своих аспирантов сразу по окончании аспирантуры. По-видимому, сомнений в том, что А.Н. Рогачёв необходим Академии, к тому времени не было уже ни у кого. 27 апреля 1937 г. появилось новое распоряжение, подписанное и.о. председателя ГАИМК О.О. Крюгером: "...тема исследовательской работы и.о. ст. научн. сотр. ИИДО А.Н. Рогачёва на 1937 год заменена новой темой: "Палеолитическая стоянка Костёнки IV (Александровская)" – кандидатская диссертация" [Личное дело: л. 36].

С этого момента Костёнки, костёнковский палеолит окончательно становятся делом его жизни.

Per aspera – ad astra⁹

Казалось, все главные барьеры остались позади. Оставалось работать. Новая тема, полученная А.Н. Рогачёвым от своего руководителя П.П. Ефименко, отвечала самым затаённым мечтам Александра Николаевича. Тем не менее, обстановка в ГАИМК накануне её окончательной ликвидации и "возрождения" в качестве ИИМК АН СССР, не слишком располагала к спокойной, плодотворной деятельности.

Архивные материалы, главным образом, стенографические отчёты различных заседаний в ГАИМК 1936-1937 гг., запечатлели удручающую картину "разброда и

---

⁹ Через тернии – к звёздам

шатания". Разброд царил и в умах, и в душах. К арестам коллег все давно привыкли, как на войне привыкают к смерти. Большинство пассивно ожидало хоть какого-нибудь конца, хоть каких-то "руководящих указаний".

Запуганное арестами руководство ГАИМК начала 1937 г. уже не могло предложить никакой идеи, кроме призыва покаяться в грехе антимарксизма. Эта "самокритика" разворачивалась всё шире, нагнетая публичную истерию. Молодые сотрудники каялись, что были обмануты врагами народа (Ф.В. Кипарисовым, С.Н. Быковским и иже с ними) и помогали им разрушать науку. Старшие – что были запуганы врагами народа и не помешали им разрушать науку. Все вместе – в том, что работают плохо, ибо не знают, что будет с Академией завтра... Под конец кто-нибудь заявлял, что покаяться, увы, недостаточно – и призывал вновь *"организовать это движение снизу"* (sic! – Н.П. и М.А.) [см. напр. Стенографический отчёт, 1937: л. 26 и др.].

Всё "вредительство" Ф.В. Кипарисова заключалось в том, что документы, требовавшие его подписи, нередко залёживались у него месяцами. Вероятно, этот несчастный человек и впрямь говорить умел лучше, чем действовать. А может, у него опускались руки от сознания того, в чём он должен был участвовать... Так или иначе, он оказался тем самым "стрелочником", которого теперь обвиняли в развале ГАИМК. Но главным "генератором идей" в период агрессивного господства вульгарного марксизма в археологии (1930-1934 гг.) был С.Н. Быковский. Именно его учеников и питомцев призывали теперь к активному "покаянию".

А.Н. Рогачёв никогда не входил в ближайшее окружение С.Н. Быковского. Более того – социологизаторские опыты последнего всегда вызывали у него интуитивное отторжение. Так что он не мог почитать себя "обманутым" и был вполне искренен в своей критике взглядов павшего громовержца. В 1937 г. им был подготовлен доклад "Об искажениях марксизма в вопросах древнейшей истории (по поводу статьи С.Н. Быковского "Фридрих Энгельс и проблемы периодизации истории доклассового общества)" [Рогачёв, 1937]. В философском отношении этот первый опыт оказался вполне беспомощным. Редакция ПИДО печатать его отказалась – несомненно, к счастью для молодого автора.

Подспудно же в Академии не прекращалась иная работа – менее заметная, но поступательная и неизменно глубоко профессиональная. В том же 1937 г. вновь были организованы работы в Костёнках. Александр Николаевич провёл там 2,5 месяца – с июля до середины сентября. Работы велись на Тельманской стоянке, открытой им годом ранее, и на Александровской, ставшей отныне темой его диссертации. Теперь под его непосредственным руководством на памятнике были заново вскрыты смежные раскопы

С.Н. Замятнина и П.П. Ефименко 1927-1928 гг. Затем раскоп расширили до 400 кв. м. На этой площади оказалось исследовано первое (южное) длинное жилище.

В 1938 г. исследования Александровской стоянки были продолжены, причем с этого года А.Н. Рогачёв уже официально утверждается начальником Костёнковской экспедиции ИИМК АН СССР. Тогда оказалось обнаружено второе (северное) жилище. В конце года А.Н. Рогачёв был премирован Президиумом АН СССР за свои открытия в поле. Но мало кто отдавал себе отчёт, что именно в том сезоне Александр Николаевич столкнулся с проблемой, с которой до тех пор, по сути, не сталкивался ни один палеолитовед мира.

Раскопки 1937-1938 гг. производились ещё всецело по методике П.П. Ефименко, предполагавшей вскрытие больших площадей, при сравнительно малом количестве разрезов. В такой ситуации, пользуясь данными, преимущественно, горизонтальной стратиграфии, достаточно трудно проследить наложение одного комплекса на другой. Проще всего было бы объявить раскопанные материалы "единым культурным слоем", а круглые жилища "пристроить" к длинным. Но А.Н. Рогачёв, действительно, был археологом от Бога и сполна обладал тем качеством, которое в нашей профессиональной среде называется "чутьём слоя". Уже тогда он заметил, что на некоторых участках материалы круглых жилищ *перекрывают* материалы длинных. Это была мина замедленного действия, призванная взорвать прежнюю, привычную, устоявшуюся (и что немаловажно – уже объявленную "марксистской"!) стадильную схему хроностратиграфии палеолита Евразии.

В самом деле: если признать его выкладки справедливыми, то... *"Ориньякско-солютрейский"* (по облику каменной индустрии) слой Александровской стоянки (с круглыми жилищами) *является более поздним, а "мадленский"* (с длинными жилищами) – *более древним!*.. Сейчас даже трудно представить себе, насколько еретическим выглядел подобный вывод в те времена! Не удивительно, что молодой археолог предпочёл в диссертации обойти этот вопрос стороной, целиком сосредоточившись на анализе длинных жилищ. Он, верно, и сам боялся верить своим глазам, и вполне справедливо опасался с ходу скомпрометировать свои предположения недостаточной аргументацией. Эти колебания в полной мере отразились в его первых научных публикациях [Рогачёв, 1940; 1940а]. Лишь впоследствии, при подготовке обобщающей монографии по Костёнкам 4 [Рогачёв, 1955], Александр Николаевич сделал решительный шаг, повлиявший, в конечном счёте, на всё отечественное палеолитоведение.

Тогда же, в конце 1930-х, до этого было далеко. Есть основания полагать, что уже в 1939 г. А.Н. Рогачёв практически полностью подготовил свою диссертацию по

Александровской стоянке. Но столь успешно начатые исследования неожиданно оказались прерваны – почти на целое 10-летие. И защите многострадальной диссертации, и дальнейшему продолжению работ в Костёнках помешал призыв А.Н. Рогачёва в армию. Поистине, ничто не давалось ему легко... На восточных границах СССР начались вооружённые конфликты, и именно Александр Николаевич угодил под мобилизацию.

Выписка из приказа № 228 по ИИМК им. Н.Я. Марра АН СССР от 11.XII.1939 г.:

"М.н.с. Института Рогачёв А.Н. отчисляется от занимаемой им должности, как призванный на военный сбор до особого распоряжения с 12.XII. т.г. Бухгалтерии произвести выплату заработной платы за проработанное время и выходное пособие на 2 недели..." [Личное дело: 45].

Первый год на Дальнем Востоке А.Н. Рогачёв прослужил рядовым. Потом, как человек образованный и партийный, он был взят в политотдел, получил офицерское звание... На май 1941 г. в Воронеже планировалась сессия очередной четвертичной конференции. В Костёнках должен был состояться Пленум советской секции Ассоциации по изучению четвертичного периода в Европе – с демонстрацией участникам конференции разрезов ряда стоянок и геологических обнажений. По-видимому, ИИМК АН СССР сумел договориться с командованием Дальневосточного военного округа о предоставлении А.Н. Рогачёву отпуска для подготовки этих разрезов (на стоянках Костёнки 1, 3; Борщёво 1, 2 и др.) [Векилова, 1977: 210]. В результате Александр Николаевич на короткое время вновь окунулся в атмосферу археологической науки. Но в июне 1941 г. он опять был на Дальнем Востоке, откуда вернулся лишь вместе с "сибирскими дивизиями" – напрямик на Западный фронт.

Во время войны А.Н. Рогачёву выпало служить в частях аэродромного обслуживания – вначале 1-й Воздушной армии Западного фронта, потом 3-й Воздушной армии 1 Белорусского фронта. Войну он окончил в чине капитана, но армия долго не отпускала его. До декабря 1945 г. Александр Николаевич продолжал служить в оккупационных войсках в Германии, затем был переброшен в Таврический военный округ. Демобилизоваться ему удалось лишь в июне 1947 г. Приказом от 5 июля 1947 г. А.Н. Рогачёв был восстановлен в должности мл. научн. сотр. ЛОИИМК [Личное дело: л. 53-54].

Защита диссертации "Первобытно-общинное поселение палеолитического времени Костёнки 4" состоялась в ЛОИИМК АН СССР 7 июля 1948 г. – через год после прихода из армии – и прошла вполне триумфально. Официальными оппонентами выступали М.И. Артамонов и А.П. Окладников. Кроме того, свои отзывы представили С.Н. Замятнин и В.И. Равдоникас. Слово для выступления на защите брали также С.А. Семёнов и М.П.

Грязнов. Все они в один голос говорили о высочайшем уровне полевых работ А.Н. Рогачёва, о серьёзности и обоснованности предложенных диссертантом реконструкций – как самих длинных жилищ, так и деталей "социальной организации" населения, их построившего.

Первая часть работы, действительно, всецело была посвящена описанию следов южного жилища и содержала опыт восстановления его конструкции. Вторая заключала в себе описание коллекции кремнёвых, каменных и костяных орудий, их функциональный анализ и наблюдения, касавшиеся техники кремнёвой индустрии. Все замечания оппонентов касались второстепенных моментов. Ни одному из выступавших не пришло даже в голову подвергнуть сомнению обоснованность главных выводов диссертанта. Иные коллеги (В.И. Равдоникас, А.П. Окладников) лишь сожалели, что Александр Николаевич отказался дополнить свою работу анализом круглых жилищ – кстати, не сомневаясь заранее, что эти последние должны быть *древнее* длинных (такой вывод ясно вытекал из стадильной схемы, в которой "ориньякско-солотрейская" эпоха являлась более ранней ступенью, чем "мадленская") [Диссертационное дело: л. 19-19 об, 28 об.]. Впрочем, решительное заявление автора, что стратиграфическое соотношение длинных и круглых жилищ ещё должно быть проверено в поле, вызвало у всех понимание. С.Н. Замятнин отметил также, что любые попытки пересмотра хронологии памятника пока являются преждевременными: раскопки 1937-1938 гг. не дали материала для такого пересмотра.

Заслуживает упоминания характеристика М.П. Грязновым самого стиля работы А.Н. Рогачёва: "...[автор] часто ... проявляет скромность, выражающуюся в том, что заглавия всех его разделов... начинаются словом "описание"... А речь идёт не только об описании, но и об анализе и о заключении на основании такого анализа.

Под словом "факты"... А.Н. Рогачёв, видимо, понимает явления, которые нам неизвестны, нами устанавливаются на основании анализа и документируются. Это заявление А.Н. Рогачёвым в своей работе реализовано последовательно, т.е. каждый факт, даже самый мелкий, каждый вывод, те или иные явления – весьма основательно учтены, документируются, рассматриваются "за" и "против" ... того или иного установленного... факта.

Я бы сказал, что в этом отношении работа А.Н. Рогачёва является образцовой по точности документации установленных им фактов..." [Диссертационное дело: л. 54].

Пожалуй, данное наблюдение заключает в себе очень точное определение исследовательского подхода Александра Николаевича. Да, на первое место он всегда ставил *факт*, должным образом *установленный и документированный*. Любая

исследовательская *схема* имела уже второстепенное значение: она оценивалась им по степени соответствия фактам. Если же *схема*, считавшаяся марксистской, вступала в противоречие с фактами, то вопрос решался для него однозначно: значит, она не марксистская. Вгонять факты в прокрустово ложе *схем* он не умел органически. Хотя, конечно, нередко его гипотезы диктовались интуицией – интуиция у А.Н. Рогачёва была богатая. И тогда проходили годы, пока он, наконец, получал возможность должным образом обосновать свои предположения.

В сущности, замечание С.Н. Замятнина о преждевременности хронологических уточнений было совершенно верным: раскопки 1930-х гг. на Костёнках 4, действительно, не давали для них материала. Но отвечая на замечания, Александр Николаевич остался при своём мнении в этом вопросе: "...Костёнки 4... нельзя относить к начальной поре верхнего палеолита, ... хотя там есть характерные формы, на основании которых на Западе определяется возраст этих вещей, как средне-ориньякский" [Диссертационное дело: л. 57 об.]. Здесь он, в значительной степени, был ведом интуицией. Материалы, действительно, появились позднее – уже в 1940-1950-х гг.

Кроме того, в своём ответе оппонентам А.Н. Рогачёв достаточно осторожно упомянул, что *нет оснований утверждать, что круглые жилища – это тип более древний, чем длинные жилища*. Безусловно, в тот момент никто из присутствовавших не усмотрел в этой, казалось бы, пустяковой оговорке – той зацепки, которая в дальнейшем сыграла роль фитиля, подложенного под всю стадиальную концепцию. Но она была именно таковой.

Разумеется, коллеги хорошо понимали, каких трудов стоило Александру Николаевичу выйти на защиту почти сразу после "восьмилетнего перерыва, когда ни о каких археологических занятиях не могло быть и речи" (фраза А.П. Окладникова). Это означало не только заново пересмотреть старые дневники, графический материал и десятки тысяч кремней, но и возобновить в памяти все прежние литературные данные, не говоря уже об учёте новой литературы вопроса. В результате решение Учёного совета было единогласным. Поздравления – искренними.

Даже сухая стенограмма доносит до нас истинные чувства, которые переполняли диссертанта в момент его заключительного слова: "Товарищи! Года не прошло, как я вернулся из армии. Я встретил такую поддержку и такой дружный коллектив! Мне трудно даже говорить... Я благодарен Институту..." [Диссертационное дело: л. 59].

После успешной защиты А.Н. Рогачёв немедленно уезжает в Костёнки, где к тому времени уже разворачивала работы его новая экспедиция. Во всех его дальнейших действиях чувствуется продуманность замысла и отменная чёткость его проведения в

жизнь. С самого начала на первый план выступает задача построения новой хроностратиграфии района, проверки *реальной стратиграфической последовательности* памятников. Несомненно, мысль о необходимости такой проверки внушили ему именно результаты работ на Костёнках 4, где собственные глаза говорили ему одно, а все признанные специалисты и устоявшиеся схемы – другое. Гипотеза о том, что "мадленский" памятник может, на деле, хронологически предшествовать "ориньяко-солотрейскому", была, по тем временам, не просто смелой. Она была сверхсмелой, новаторской, еретической донельзя. Но решительности Александру Николаевичу было не занимать: он всерьёз решил разгрызть сей орешек, взяв за основу геологическую стратиграфию района. Начиная с 1948 г., в Костёнках в большом количестве ставятся стратиграфические шурфы, открываются новые и новые многослойные стоянки, специально приглашаются геологи-консультанты – причём, в первую очередь, не признанные мэтры, а молодые учёные с непредвзятым, не "замыленным" взглядом.

До какой степени результаты всех этих работ оказались "не ко двору" в условиях господства стадияльной концепции, свидетельствует то, что в 1953 г. А.Н. Рогачёв был временно отстранён от руководства экспедицией (начальником вместо него стал П.И. Борисковский). Сам же Александр Николаевич, вместе с геологом Г.И. Лазуковым готовил разрезы на памятниках для осмотра их специальной комиссией, созданной ИА АН СССР для проверки его стратиграфических выводов.

Председателем этой комиссии стал С.Н. Замятнин. Входили в неё В.И. Громов, М.М. Герасимов, А.И. Москвитин, М.Н. Грищенко, И.Г. Пидопличко и В.Ф. Фридлянд. Были осмотрены глубокие шурфы и зачистки на Костёнках 1, 3, 4, 6 (Стрелецкая 2), 8, 9, 12, 14 [Векилова, 1977: 211-212]. В конечном счёте, А.Н. Рогачёву и его консультантам-геологам удалось доказать свою правоту (подробнее см. статью В.В. Попова в настоящем сборнике). Комиссия признала их выводы о маркирующем значении гумусированных прослоек и вулканического пепла, а также о террасовой стратиграфии. Последнее заключение впоследствии оказалось не вполне верным, зато первые два, по сути, ознаменовали собой переворот в исследованиях костёнковского палеолита.

Безусловно, Александру Николаевичу очень повезло, что в 1950 г. в СССР официально было развенчано "новое учение о языке" Н.Я. Марра. С этого момента стадиялизм в палеолитоведении лишился мощнейшей идеологической поддержки, позволявшей однозначно переводить в разряд "антимарксистских" любое выступление против него. Лишь после этого реально появилась возможность вести со стадиялистами подлинно научные споры, доказывая свою правоту с фактами в руках. Последнее, в частности, показали и результаты работы комиссии 1953 г. Можно отметить и другое: все

члены той высокой комиссии были людьми глубоко порядочными. Так что А.Н. Рогачёву повезло вдвойне.

Рассказывает М.В. Аникович:

В наших беседах с учителем я обычно не стеснялся в выражениях, когда речь заходила о "Вожде всех времён и народов". Помнится, Александр Николаевич не высказывался ни pro, ни contra – молча выслушивал мои сентенции о том, что Сталин якобы загубил саму идею марксизма и т.п. Но однажды, вздохнув, он сказал:

– Миша, вероятно, Сталин был очень плохим человеком. Но для нашей науки и он сделал одно великое дело – он развенчал Марра".

Живым комментарием к рассказу о тех бурных для А.Н. Рогачёва годах его важнейших начинаний и свершений служат воспоминания М.Д. Гвоздовер¹⁰. В 1949 г. Александр Николаевич в течение всего одного сезона возглавлял Авдеевскую экспедицию – в связи с безвременной кончиной М.В. Воеводского, исследовавшего этот интереснейший памятник в 1946-1948 гг. Смерть его была тяжёлой потерей для всех, знавших и любивших Михаила Вацлавовича. Во многом поэтому отношения членов экспедиции с его преемником складывались трудно. В таких случаях неизбежно идут постоянные сравнения нового с прежним. И сравнения эти всегда не в пользу живых.

Рассказывает М.Д. Гвоздовер:

"...После смерти Воеводского я стала работать с Рогачёвым. В секторе палеолита мне сказали: "Открытого листа на Авдеево тебе не дадим – ещё неопытна. Пусть с тобой едет Рогачёв."

После Воеводского работать с ним показалось дико. Воеводский был прекрасный организатор... Экспедиция работала несколькими отрядами, и он посещал каждый. Так вот: приход его в отряд был праздником. А Рогачёв – этот ни на кого не обращал внимания. Для него – только раскоп! Остальное – побоку.

...Под конец экспедиции у меня заболела дочь. Надо ехать в Москву, но уехать нельзя, покуда всё не запакуют. При Воеводском всё было бы предусмотрено – и упаковочный материал тоже. А тут... В общем, мы ночью паковали находки в сено, которое вытаскивали из-под себя (спали на сеновале). Остались большой бивень и вьючник с редкими находками кости. Рогачёв – мне:

– Это вы повезёте с собой в Москву.

¹⁰ Записаны Н.И. Платоновой 28.06.98.

Он-то рвался в Костёнки! И хотел уезжать прямо туда... А куда нам – двум женщинам – в Москве с этим бивнем? Неизвестно ещё, встретят ли нас на вокзале? Неизвестно, возьмут ли бивень в багаж?.. Выяснилось: не возьмут. Ну, тогда на вокзале я ему высказала всё... Всё, что думала!.. И он, вместо Костёнок, поехал с нами до Москвы. Всю ночь держал этот бивень в руках между второй и третьей полкой...

А остальные коллекции он потребовал – к нему в Ленинград. Отправили. А я потом пожаловалась Окладникову. И тот велел: "Всё вернуть ей!" Рогачёв потом приехал в Москву – смотреть материал. И вот когда он посмотрел, как у меня материал разложен, посмотрел, как я с ним работаю... ВСЁ! Для него это было – самое важное. И мы с ним стали друзьями. На всю жизнь.

...С Окладниковым я кое-что себе позволяла. Не раз хватала его за руки. Он написал мне книжку так: "Маре, которая мне не верит, но которую я уважаю." В споре их, в дискуссии, которая тогда шла, я была на стороне Рогачёва. Сказала Окладникову: "Он же прав! Это нечестно..."

...Я была секретарём симпозиума "Хронология памятников на основании маркирующего значения погребённых почв в Костёнках". Писала я неразборчиво, потом переписывала. И вот случайно у меня выпала строчка о "маркирующем значении погребённых почв"... Рогачёв ни минуты не упрёкал. А Замятнин, которого не устраивала резолюция, отказался подписать исправленный протокол. Очень долго уламывали..."

Краткий "авдеевский эпизод" в деятельности А.Н. Рогачёва имел весьма достойное завершение. Уже в 1953 г. Александр Николаевич издал статью, содержащую осмысление и полную публикацию материалов покойного М.В. Воеводского и его собственных исследований 1949 г. За рамками этой работы осталась лишь детальная типология находок, которая с самого начала являлась предметом изучения М.Д. Гвоздовер. В публикацию вошли сводный план всех раскопов, разрезы, чертежи и фотографии ям и землянок, подробная характеристика культурного слоя в целом и каждого исследованного комплекса в отдельности [Рогачёв, 1953: 137-191]. Было проведено сравнение памятника с материалами Костёнок 1/1 и обосновано их культурное

единство. К сожалению, указанная статья А.Н. Рогачёва до сих пор остаётся единственной публикацией такого рода по Авдеевской стоянке.

А.Н. Рогачёв и традиции отечественной археологии

Здесь мы не будем рассматривать все последующие этапы дискуссии А.Н. Рогачёва с П.П. Ефименко, П.И. Борисковским и их последователями, приведшие, в результате, к смене парадигм в отечественном палеолитоведении.¹¹ Тем не менее, следует коснуться одного принципиального вопроса. В наше время в российском палеолитоведении ясно прослеживается тенденция рассматривать историческую направленность науки о палеолите, как нечто чужеродное, ей не свойственное, привнесённое вульгарным марксизмом 1930-х гг., оборвавшим нормальное развитие науки.

На наш взгляд, это неверно. Историческая направленность отечественной археологии, в том числе и первобытной, была задана изначально её основателями – такими, как А.С. Уваров, А.А. Спицын, В.А. Городцов. Да, в первой трети XX в. в указанной области существовали *различные* направления, однако логика развития отечественной науки 1920-х гг. заключалась не в их взаимном отрицании, а, скорее, в сближении и взаимном обогащении. Поэтому даже ссылки сторонников современного "антропологического" подхода на работы палеоэтнологической школы, по меньшей мере, не вполне корректны.

Основатель отечественного палеолитоведения Ф.К. Волков, действительно, признавал первобытную археологию "отраслью общей антропологии", входящей в цикл естественных дисциплин, изучающих Человека. Всё это было вполне в духе европейской науки начала XX в. и вытекало из концепции его учителей Г. и А. де Мортилье. Однако при этом целью археологического исследования памятников каменного века для Волкова являлось: "*...не только извлечение из земли древних предметов, но и возможно полное восстановление всей той культуры, остатками которой они являются перед нами*" (курсив наш. – Н.П. и М.А.)." [Волков, 1900: 240; Платонова: 2003].

Понятие "культуры" было для Фёдора Кондратьевича достаточно широким и включало реконструкцию (по возможности) "антропологического типа, происхождения, миграций, бытовой обстановки, общественных отношений, верований... древних обитателей земли". На наш взгляд, приведённые высказывания достаточно ясно показывают, что позднейшие (уже советского времени) обвинения его в нежелании использовать археологические данные для историко-культурных реконструкций, в значительной степени, являются надуманными. Было бы правильнее сказать, что в 1900-

¹¹ Этот материал достаточно подробно рассмотрен в статье М.В. Аниковича "О конкретно-историческом подходе...", публикуемой в настоящем сборнике.

1910-х гг. для подобных реконструкций просто не пришло время, ибо не имелось достаточного материала. На практике комплексный подход Ф.К. Волкова к археологическим памятникам был развит и отчасти реализован уже после его смерти, в работах его учеников 1920-х гг.

Ведущие российские палеоэтнотологи 1920-х гг. были достаточно далеки от однозначного зачисления первобытной археологии в разряд естественных наук. Так, например, Г.А. Бонч-Осмоловский отводил ей промежуточное место "между естествознанием и обществоведением" – в силу того, что "научные методы" (читай: методы естественных наук) в ходе анализа памятников каменного века приобретают особенно важное значение. При этом именно для ленинградских палеоэтнологов было характерно категорическое требование распространять "научные методы" не только на исследование первобытности, но и на *все* разделы археологии (в том числе, на эпоху, отражённую в письменных источниках). Это было чётко сформулировано учеником Ф.К. Волкова А.А. Миллером уже в 1919 г. [Платонова, 1989: 13]. В сущности, подобное требование представляло собой не что иное, как важный шаг на пути признания археологии единой источниковедческой наукой.

А.Н. Рогачёв, как всякий выдающийся учёный, не может быть однозначно причислен к какой-то одной "школе". Он сам создавал свою школу, аккумулируя в своём творчестве разные исследовательские традиции и преобразуя их в нечто новое. Его непосредственными учителями были (в различной степени) П.П. Ефименко и Ф.В. Кипарисов. Всю жизнь он исключительно высоко оценивал достижения "социологического подхода" к памятникам, в котором изначально был воспитан. Однако всё его творчество зрелого периода строилось не столько на следовании, сколько на преодолении ограниченности этого подхода.

Никогда не будучи учеником В.А. Городцова, Александр Николаевич всегда подчёркивал преемственную связь своих воззрений на археологию палеолита с его разработками. Ещё в начале XX в., когда все палеолитоведы отталкивались в своих работах исключительно от французской схемы, В.А. Городцов прозорливо утверждал, что в различных регионах развитие палеолитической культуры протекало по-своему, и нельзя некритически переносить последовательность "ступеней развития", разработанную для Франции, на восточноевропейские материалы. А.Н. Рогачёв, которому, в отличие от В.А. Городцова, удалось *доказать* это положение, всячески подчёркивал в своих работах его приоритет и глубоко чтил память Василия Алексеевича. Но при этом он учитывал и творчески развивал идейное наследие былых "противников" В.А. Городцова – палеоэтнологической школы. Главным здесь было то, что хронология палеолита

разрабатывалась А.Н. Рогачёвым именно на основе методов естественных наук, а не на базе последовательно сменявших друг друга ступеней развития культуры.

К сожалению, в тот период, когда ему выпало работать, само имя Ф.К. Волкова было почти под запретом. Тем не менее, Александр Николаевич достаточно обозначил своё собственное отношение к основателю научного палеолитоведения в России, назвав "Волковской стоянкой" один из интереснейших открытых им многослойных памятников Костёнковско-Борщёвского района (Костёнки 12).

Тождество археологической культуры и комплекса *"этнографических признаков"* *некой социальной общности* (в данном случае – человеческого коллектива эпохи верхнего палеолита) отстаивалось А.Н. Рогачёвым ещё с середины 1950-х гг. Однако вопреки мнению ряда современных исследователей, он никогда не отождествлял археологическую культуру с "этносом" (предполагающим в качестве неперемного условия единство языка и этнического самосознания). Понятие "локальной культурной единицы", применительно к эпохе палеолита, было также глубоко чуждо Александру Николаевичу.¹² В своих разработках он всегда опирался на конкретные материалы и уже в силу этого, был далёк от того, чтобы противопоставлять теории стадиальности какую-то надуманную "теорию локальности". Его подлинным детищем был конкретно-исторический подход к памятникам палеолита, и именно это является главной составляющей рогачёвского наследия, донныне сохраняющей свою актуальность в современном палеолитоведении.

Разумеется, если понимать под "историзмом", "исторической направленностью", "подходом" и т.д. – прямое и бездоказательное отождествление между собой понятий, выработанных в разных дисциплинах (археологическая культура = этнос) или не менее бездоказательное сопряжение разнородных явлений (палеолитическое жилище = родовой строй; женские статуэтки = матриархат) – то такого рода "историзм" достоин только безоговорочного отрицания. Столь же полного отрицания заслуживает уверенность, что нам якобы заранее известны законы исторического развития далёкого прошлого.

Можно лишь пожалеть, что "социологизаторство" 1930-х гг., предлагавшее именно такие варианты "историзма", в какой-то степени скомпрометировало само это понятие, применительно к нашей области знаний. Однако на деле историческая направленность отечественной первобытной археологии заключается в ином, а именно: в стремлении методически и методологически обосновать связь между обобщающими понятиями и

¹² В самом деле, что это за "локальная культурная единица" – от Дуная до Оки (виллендорфско-костёнковская культура)? А ведь, вдобавок, А.Н. Рогачёв поддерживал вполне "еретические" идеи одного из авторов настоящей статьи – о связях мальтинско-буретинской культуры с виллендорфско-костёнковской!

методами, выработанными в первобытной археологии и в общественно-исторических дисциплинах [подробнее об этом см.: Аникович 1989; 1991; 2005].

Без такого обоснования "чисто археологические" понятия неизбежно вырождаются в пустую, малоинтересную и мало продуктивную схоластику. Заметим, что историческая направленность палеолитоведения ничуть не препятствует, а, напротив, предполагает всемерное использование данных естественнонаучных дисциплин и дальнейшее расширение сотрудничества с учёными-естественниками. Прямым свидетельством тому является состав статей настоящего сборника.

Напротив, при ином подходе естественнонаучные данные нередко получают самодовлеющее значение, к которому собственно археологическая часть присоединяется, как некий, в сущности, не очень важный довесок. Да, конечно, оснащённость археологических исследований аппаратурой и естественнонаучными методиками получения дополнительной информации о памятниках – это очень важно. Но значительно важнее отдавать себе отчёт: во имя чего мы работаем? Что является конечным результатом исследований после всесторонней источниковедческой проработки материала различными методами? Ведь в том, что касается *интерпретации* материала, наши западные коллеги пока не предлагают нам ничего принципиально нового, по сравнению с тем, что уже разрабатывалось, в той или иной мере, в отечественной археологии XX в.

В частности, сейчас на Западе, особенно, в англоязычной литературе, всё более модным становится тот самый "социологический подход" который мы уже имели удовольствие пережить в 1930-1950-е гг. (только в более прямолинейном, грубом варианте, чем это подаётся сейчас). Так что же теперь, "назад, в будущее"?

Разумеется, издания на меловой бумаге, в сопровождении большого количества графиков и уж, конечно, без "последних постановлений КПСС о науке" – выглядят много респектабельнее, чем пожелтевшие выпуски Сообщений и Известий ГАИМК начала 1930-х. Но идейная сущность обоих подходов очень близка. А ближайшим их следствием, как в том, так и в другом случае, является глубочайший кризис собственно археологических методов исследования – в первую очередь, типологического, составляющего самую суть археологии как науки.

Заканчивая эту статью, посвящённую А.Н. Рогачёву, мы хотим подчеркнуть одно: выдвинутый им конкретно-исторический подход в палеолитоведении – это результат осмысления и преодоления, как вульгарного социологизаторства, так и не менее опасной тенденции географического детерминизма, "антропологизации" археологии первобытного общества. Как мы уже отмечали, Александр Николаевич, сам не осознавая того, вплотную

подошёл к тому, чтобы оснастить отечественное палеолитоведение методологическими достижениями крупнейших философов истории России и Запада, весьма далёких от идей исторического материализма. Историзм российской археологии – это вовсе не реанимация старого, по сути, донаучного отношения к памятникам, как к "остаткам старины". Это результат большого пути, который прошла отечественная наука XX в., преодолев целый ряд кризисов и поставив над собой немало рискованных экспериментов. Это именно то, чему есть поучиться у нас.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

- Аникович М.В. 1989.* Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования. // Советская археология 4: 115-127.
- Аникович М.В. 1991.* Археологическая культура: определение понятия и процедура исследования // Археологические культуры и культурные трансформации. Ленинград: 40-48.
- Аникович М.В. [2005].* Принципы археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // Stratum plus. 2003-2004. – 1. – С. 487-505.
- Антология советской археологии. Том 1. 1917-1933.* – Москва: ИА РАН, 1995. – 170 с.
- Береговая Н.А. 1960.* Палеолитические местонахождения СССР. – МИА. Т. 81. М.-Л.: АН СССР.
- Билет аспиранта* Рогачёва А.Н., поступившего в Академию в 1933 г. – Архив ИИМК РАН. – Ф. 2. Оп. 3. – Дело 559.
- Булочникова Е.В. 2002.* А.Н. Рогачев и М.В. Воеводский // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. – Санкт-Петербург: ООО АкадемПринт. – С.124-129.
- Васильев С.А. 1996.* Поздний палеолит верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). – Санкт-Петербург. – 224 с. (Archaeologica Petropolitana. – 1).
- Васильев С.А. [2004].* Изучение палеолита в России: прошлое, настоящее и перспективы на будущее. – Stratum plus. – 1. – 2001-2002. – С. 21-170.
- Векилова Е.А. 1977.* Летопись работ Костёнковской палеолитической экспедиции (1922-1976) // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Ленинград: Наука. – С. 208-217.
- Волков Ф.К. 1900.* По поводу наших неолитических находок с керамикой до-микенского типа // Киевская старина. – Т. LXX. Июль-август. – С. 235-245.

- Григорьев Г.П., Праслов Н.Д. 1985.* Памяти Александра Николаевича Рогачева // Советская археология. – 2. – С. 302-303.
- Диссертационное дело А.Н. Рогачёва.* – Архив ИИМК РАН. – Ф. 35. Оп. 3. – Дело 76.
- Дьяконов И.М., 1995.* Книга воспоминаний. – Санкт-Петербург: Европейский дом. – 768 с.
- Кипарисов Ф.В., 1933.* Вещь – исторический источник // Известия ГАИМК. – Вып. 100. – С. 3-23.
- Личное дело Рогачёва А.Н. (1912-1984).* – Архив ИИМК РАН. – Ф. 35. Оп. 5. – Дело 255.
- Мезенцева Г. 1997.* Дослідники археології України. – Чернігів: Сіверянська думка. – 206 с.
- Платонова Н.И. 1989.* Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления // Советская археология. – 4. – С.5-16.
- Платонова Н.И. 2003.* Фёдор Кондратьевич Волков глазами ученика (к публикации очерка С.И. Руденко) // Археологические вести. – 10. – С. 367-373.
- Платонова Н.И. 2004.* Истоки Санкт-Петербургской школы археологии (конец XIX – 1 треть XX века: Н.П. Кондаков, В.Р. Розен, А.А. Спицын, Ф.К. Волков, А.А. Миллер) // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященных 77-летию Л.С. Клейна. – Санкт-Петербург: Изд. С.-ПбГУ, 2004. – С. 43-73.
- Платонова Н.И. 2004а.* Александр Николаевич Рогачёв: начало пути // Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии. – Воронеж: Истоки. – С. 121-123.
- Праслов Н.Д. 2002.* А.Н. Рогачев и костёнковская модель развития верхнего палеолита // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. – Санкт-Петербург: ООО АкадемПринт. – С. 26-29.
- Праслов Н.Д. 2005.* А.Н. Рогачёв и Костёнки // Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: хронология, культурогенез, антропология. – Воронеж: Истоки. – С.88-89.
- Приказы Наркомпроса об аспирантуре.* – Архив ИИМК РАН. – Ф.2. Оп. 1. 1935. – Дело 35.
- Протоколы заседаний кафедры по изучению истории дородового общества.* – Архив ИИМК РАН. – Ф.2. Оп. 1. 1935. – Дело 178.
- Протоколы и материалы к ним кафедр ИИДО.* – Архив ИИМК РАН. – Ф.2. Оп. 1. 1934. – Дело 26.
- Протоколы и стенограммы совещаний у председателя Академии.* – Архив ИИМК РАН. – Ф.2. Оп. 1. 1935. – Дело 3.
- Рогачёв А.Н. 1937.* Об искажениях марксизма в вопросах древнейшей истории (по поводу статьи С.Н. Быковского "Фридрих Энгельс и проблемы периодизации истории доклассового общества"). – Архив ИИМК РАН. – Ф.2. Оп. 2. – Дело 1105.

- Рогачёв А.Н. 1940.* Александровская палеолитическая стоянка (Костенки IV) // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. – 6-7. – С. 48-50.
- Рогачёв А.Н. 1940а.* Палеолитическое поселение Костёнки IV // КСИИМК. – IV. – С. 36-41.
- Рогачёв А.Н. 1941.* Палеолітичні стоянки в Кайстрові Балці // Палеоліт и неоліт України. – Т. 1. – Київ. – С. 249-264.
- Рогачёв А.Н. 1953.* Исследование остатков первобытно-общинного поселения у с. Авдеева на р. Сейме в 1949 г. // МИА. – Т. 39. – С. 137-191
- Рогачёв А.Н. 1955.* Александровское поселение древнекаменного века у с. Костенки на Дону – МИА. – Т. 45. – 164 с.
- Синицын А.А. 2002.* Конкретно-исторический подход А.Н. Рогачева: современное состояние // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. – Санкт-Петербург: ООО АкадемПринт. – С. 33-41.
- Стенографический отчёт* собрания актива АИМК. – Рукописный архив ИИМК РАН. – Ф. 2. Оп. 1. 1937. – Дело 35.
- Тихонов И.Л. 2003.* Археология в Санкт-Петербургском университете: историографические очерки. – Санкт-Петербург: Изд. Санкт-Петербургского университета. – 340 с.
- Формозов А.А. 2002.* О Петре Петровиче Ефименко (материалы к биографии) // Очерки истории отечественной археологии. – 3. – Москва: Наука. – С. 73-126.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

1. П.П. Ефименко (слева) и А.Н. Рогачёв (справа) на раскопках стоянки Костёнки 1. 1936 г.
2. Александр Николаевич Рогачёв. Фото 1945 г.
3. На раскопках Костёнок 1. 1972 год. Слева направо: А.Н. Рогачёв, З.А. Абрамова, Н.Д. Праслов, В.Я. Сергин, М.В. Аникович.
4. Александр Николаевич Рогачёв (последние годы жизни).